

УДК 94(574)

АГРАРНЫЙ ВОПРОС И КАЗАХСКАЯ ЭЛИТА (1920–1929 гг.)

С.Ш. Казиев

Рассмотрены проблемы подходов в национальной политике Советского государства в 1920-е годы и конфликт сторонников жесткой централизации с казахскими партийцами, стоявшими на позициях "национал-коммунизма", и национальной интеллигенцией.

Ключевые слова: аграрное переселение; казаки; казахи; национал-коммунизм; национал-уклонизм.

THE AGRARIAN QUESTION AND THE KAZAKH ELITE (1920–1929 YEARS)

S.Sh. Kaziev

In this paper we consider approaches in national policies of the Soviet state in the 1920s and the conflict of the hard centralizers with Kazakh party members standing on the positions of "national communism" and with the national intelligentsia as well.

Key words: agricultural relocation; the Cossacks; the Kazakhs; national communism; national deviation.

В 1913 г. казахский просветитель и один из основателей казахского национального движения А. Байтурсынов с тревогой наблюдал за обнищанием казахского населения, терявшего наиболее плодородные земли, передававшиеся переселенцам из европейской части страны. Он опасался повторения казахами судьбы американских индейцев и других исчезнувших колониальных народов, оказавшихся беспомощными перед лицом военной и культурной современной западной цивилизации. Он писал: "Судя по историческому ходу вещей нетрудно предугадать, что если пришлый элемент окажется сильнее коренного населения, то последнее должно быть поглощено первым... Для того, чтобы сохранить свою самостоятельность, нам необходимо всеми силами и средствами стремиться к просвещению и общей культуре" [1, с. 66].

Возникновение национального вопроса на рубеже XIX–XX вв. на территории современного Казахстана было непосредственно связано с социально-экономическими и культурными сдвигами, происходившими внутри казахского общества в связи с широкомасштабным переселением крестьян из европейской части страны, стимулировавшим кризис кочевого хозяйства, разложение родовых связей и усиление социальной дифференциации. В связи с этим возникает аграрный вопрос, точнее проблемы с сохранением используемой в кочевом хозяйстве территории за казахски-

ми родами. Земельная политика царизма в начале XX в. рассматривались казахами как вопиющая несправедливость, которая вела к конфронтации значительной части казахского населения как с государством, так и с переселенцами. "Притирание" народов носило в значительной мере конфликтный характер, "снимаемый" благодаря определенным культурным установкам казахского и русского населения и деятельности элитных групп.

Лучшие представители русской интеллигенции и имперской администрации осознавали необходимость неотложного решения "инородческого вопроса". Их позицию выразил Н.М. Ядринцев, указывавший на то, что "инородческий вопрос" в Сибири требует решения следующих задач: 1) предупреждение "вымирания" инородцев; 2) обеспечение их экономического выживания и культурного развития; введения гражданского "полноправия" и законодательное их обеспечение; 4) обеспечение духовного развития и просвещения" [2, с. 150]. Несмотря на понимание и сочувствие, национальный вопрос не мог быть разрешен в рамках охранительной политики имперских властей на окраинах.

Если обратиться к истории решения национального вопроса в Казахстане в первой половине 1920-х годов, то очевидно, что после оформления национально-территориального устройства КАССР основные проблемы для краевого руко-

водства были связаны с необходимостью регулирования земельного вопроса и продолжающегося крестьянского переселения. Фундаментальные принципы национальной политики были изложены в резолюции X съезда РКП(б), где было специально подчеркнуто, что “суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость национальностей, которую они унаследовали от прошлого, дать возможность остальным народам догнать Центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении” [3, с. 366].

Решение национального вопроса в Центральной Азии затруднялось конфликтами на “почве” землеустройства между коренным и пришлым населением. Создав национальные республики, большевики обязаны были урегулировать этот вопрос путем уступок. На Учредительном съезде в октябре 1920 г. была принята Декларация прав трудящихся Киргизской АССР, провозгласившая: “Положить в основу земельной политики в КАССР обеспечение интересов киргизской и крестьянской бедноты, в особенности групп киргизских трудящихся масс, кои были ограблены царским правительством и российской буржуазией” [4, с. 271]. На Первой областной партконференции РКП(б) (июнь 1921 г.) были одобрены решения Учредительного съезда Советов КАССР и перед низовыми партийными организациями поставлена цель “сравнять в экономическом отношении русских и киргиз... энергично ведя борьбу с захватами земель, предоставить оседающим киргизам оставшийся свободным переселенческий фонд и неиспользованные оброчные земли” [5, с. 279–284]. Цель большевиков в Казахстане в начале 1920-х гг. заключалась в сглаживании противоречий между казахами и русскими.

В числе главных мероприятий предполагалось возвращение казахскому населению ранее изъятых земель. На основе декретов от 2 февраля и 19 апреля 1921 г. казахским крестьянам возвращались свободные земли, неосвоенные переселенцами до февраля 1921 г. в Акмолинской, Кустанайской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской губерниях. Казахскому населению возвращались земли, сданные в долгосрочную аренду дворянам, капиталистам и монастырям, а также земли, переданные имперскими властями в вечное пользование за службу Сибирскому и Уральскому казачьим войскам.

Объективную оценку перераспределения земельного фонда дали Г.Ф. Дахшлейгер и К.И. Нурпеисов, полагающие, что главным достижением этих лет было достижение фактического равноправия казахского населения в вопросах землепользования: “Земельные реформы 1921–1922 гг. не

разрешили и не ставили цель до конца разрешить аграрный вопрос в Казахстане. Они не изменили земельный строй ни в переселенческой деревне, ни тем более в казахском ауле. Но сам факт возвращения земель казахским трудящимся и уравнение на деле в земле и водопользовании трудящихся аула и деревни имело большое экономическое и политическое значение” [6, с. 118]. По мнению Е.Б. Сыдыкова, в политике возвращения казахских земель и в запрете крестьянского переселения был мощный социально-психологический подтекст: “Акт восстановления поправленной справедливости, территориальная реституция во многом нейтрализовала бы собой последствия колониальной политики царизма... и могла бы превратить казачко-кочевников из надежных подданных в искренних неофитов режима” [7, с. 208]. Стремление добиться фактического равноправия народов в ходе земельно-водной реформы порождало обратное неравенство некоренного населения, вполне сравнимое с неравенством так называемых “пленных” народов при царизме.

Землеустроительная кампания Советской власти, предполагавшая преференции для казахской бедноты, продлилась пять лет, с 1921 по 1926 гг. С 1923 г. “национал-коммунисты” постарались блокировать дальнейшее аграрное переселение русского населения из европейской части страны, опасаясь изменения национального состава населения и снижение доли титульного этноса. С конца 1923 г. землеустройство стало проводиться исключительно в пользу казахского населения, о чем было открыто и недвусмысленно заявлено краевым руководством [8, с. 255].

В феврале 1925 г. Второй Пленум Казкрайкома принял резолюцию, согласно которой землеустройство казахского населения должно было происходить не только за счет занимаемых ими земель, но и за счет земли, освобожденной в результате добровольного переселения переселенческих участков и участков земли, захваченных самовольно. Все прибывшие после 31 августа 1922 г. переселенцы исключались из порядка землеустройства. V Всеказахская партийная конференция одобрила февральскую резолюцию краевого руководства.

Землеустроительная политика краевого руководства резко усложнила межэтнические отношения и привела к многочисленным конфликтам. В 1925 г. произошли сотни конфликтов из-за земли между казахским и русским населением, участились случаи самовольных потрав посевов и насильственных сгонов крестьян с земли. Казахское население зачастую использовало против русских крестьян те же приемы, какие использовались переселенцами против кочевых общин в дореволю-

ционный период. Кустанайский губком сообщал о разорении русского поселка Лопушки казахами, которые взимали с крестьян высокую плату за пользование новым мостом на реке Убаган [9].

Активно было распространено скотокрадство, на что русские крестьяне отвечали вооруженными обысками в соседних аулах. Скотокрадство было бичом для русских и казахских трудящихся. В Атбасарском уезде, сообщалось местными органами власти в республиканское руководство, сформировалось мнение о неподсудности вооруженных налетчиков: “К нашим казахстанским органам как у русского, так у казахского населения существует полное недоверие, т.к. ни один скотокрад не был наказан по суду. Крестьяне поголовно за самосуд, казахи обращаются в суд аксакалов” [10].

Практика землеустройства, считали московские исследователи колонизации в 1926 г., в большинстве областей приобрела характер похода против европейского населения. Статисты писали о резком (на 14 %) сокращении всех хозяйств по территории республики. Больше всего выбыло хозяйств в Кустанайской (26,2 %) и Джетысуйской (22,3 %) губерниях. Статисты полагали, что русское и украинское население края сократилось в результате земельной политики местного руководства на 700 тыс. человек [11, с. 11–12]. Вероятно, статистами были включены в данные цифры по оттоку русско-украинского населения в период 1920–1922 г., когда русское население края сократилось на 500 тыс. человек [12, с. 88–89].

Обострение межэтнических конфликтов не входило в планы союзного руководства после отхода от власти Ленина, усилившего давление на “национал-коммунистов”. В Казахстане “смена вех” советской национальной политики ассоциируется с личностью Ф.И. Голощекина. Внесение корректив в землеустроительную политику столкнуло Голощекина и его приверженцев, ориентировавшихся на сталинский централизм, с казахскими “национал-коммунистами”, которые выступали за осторожную социальную и экономическую политику, считая ненужным и опасным разжигание классово-войны в казахском ауле.

Конфликт между Голощекиным и “национал-коммунистами” вылился в открытую форму в сентябре 1926 г., когда на закрытом заседании члены Президиума Казкрайкома С. Садвокасов и Ж. Мунбаев подвергли критике Голощекина, обвинив его в диктаторстве и угнетении национальных кадров [13]. “Национал-коммунисты” отвергли обвинения в национализме и выдвижении лозунгов “Казахстан для казахов” в свой адрес. С. Садвокасов в первом журнале “Большевик” за 1928 г. писал: “Ни один благоразумный национал, тем

более коммунист, не выкидывает и не выкидывал лозунга Казахстан для казахов”. Садвокасов предлагал первоочередное землеустройство не только казахского населения, но и крестьян-старожилов, которых он относил к коренному населению республики. В социально-экономической политике Садвокасов предлагал покончить с колониальным отношением к республике как сырьевому приращку Центральной России и развивать там индустриальный сектор [14, с. 61–64].

“Национал-коммунисты” были поддержаны в Москве антисталинской оппозицией. С критикой гонений на национал-коммунистов в республиках выступал и Троцкий. В 1927–1928 гг. казахские “правые” продолжали безнадежную борьбу, стремясь к установлению справедливости. Небольшая делегация “национал-коммунистов” в начале 1927 г. посетила в Москве Троцкого, написавшего письмо Сокольникову. Однако проблемы, поднятые казахскими делегатами, не были устранены. По мнению М.Б. Олкотт, письмо Троцкого позволяет представить картину межэтнического конфликта в крае. Троцкий писал, что партийцы республики разделены на четыре фракции: русских, казахов, симпатизирующих русским, казахских правых и левых. Самая большая пропасть, считал Троцкий, лежит между европейскими и казахскими коммунистами, живущими обособленно и даже не играющими вместе в шахматы [15, с. 213–214].

Острая дискуссия по вопросам дальнейшего социально-экономического развития республики развернулась в 1927–1928 гг. 8 февраля 1927 г. Президиум ВЦИК РСФСР уравнивал в правах на землепользование казахское население и крестьян-переселенцев [16]. Однако краевое партийное руководство отказалось выполнять решение высшего органа власти. Казахские коммунисты опасались, что отмена запрета на землеустройство переселенцев откроет Казахстан для новой волны переселения русских.

8 июля 1928 г. Бюро Казкрайкома ВКП(б) опротестовало решение ВЦИК РСФСР и, отвергнув проект Голощекина, предлагавшего уравнивать все национальности в праве на наделение землей, подтвердило первоочередное право казахского населения на землеустройство за счет государства [17]. Союзный Центр жестко отреагировал на столь откровенный вызов со стороны местных центров власти и национал-коммунистов, открыто проигнорировавших требования партийной дисциплины. В ноябре 1927 г. состоялась VI Всеказахская конференция ВКП(б), посвященная международным отношениям в республике. Присутствовавший представитель Союзного ЦК Андреев, выступив с докладом о борьбе с антипартийной оппозицией в стране, обрушился с разгромной

критикой на членов Бюро Казкрайкома партии Садвокасова, Мунбаева и Султанбекова, обвинив их в национальном уклоне. Андреев потребовал от казахских большевиков классового подхода и прекращения дискриминации русского населения.

VI Всеказахская конференция ВКП(б) приняла линию союзного руководства на уравнивание всех национальностей в землеустройстве и переходе на классовый подход в отношении казахского аула. Под давлением сторонников “жесткой” линии VI Всеказахская конференция ВКП(б) осудила национал-коммунистов. Лидеры “национального уклона” Садвокасов, Мунбаев и Султанбеков были выведены из Бюро Казкрайкома и больше не могли блокировать решения Голощекина и апеллировать к союзным властям.

Сопrotивление новому курсу после поражения “национал-уклонистов” в Казкрайкоме оказало среднее звено управленческого аппарата. Принятые решения были заблокированы республиканским Наркомземом и местными органами власти. Нарком по земледелию Ж. Султанбеков открыто назвал решения VI республиканской партконференции “колониаторскими”, подготовленными бывшими чиновниками дореволюционного переселенческого управления [18, с. 329]. Для преследования оппозиции Голощекин активно привлек органы ОГПУ.

В мае 1928 г. ЦК ВКП(б) принял решение о проведении чистки партийного и советского аппарата в Казахстане. В результате чистки в аппарате окружных комитетов было снято с должностей 116 человек (19,5 % от штата работников). Наиболее сильный удар был нанесен по республиканскому Наркомзему, где были выведены за штат до 28,5 % работников, что “положило конец националистической практике землеустройства” [19, с. 178–179].

Поражение казахских “национал-коммунистов” в значительной степени объясняется недостаточными солидаристскими связями в казахском социуме. Казахстанские исследователи соглашаются с мнением М. Маколей, отмечавшего: “Хотя националисты нередко ссылаются на то, что крестьянская община олицетворяет собой национальную добродетель и культуру, сама по себе крестьянская культура... пребывает вне национализма. Крестьянин мыслит не с позиции нации, а с точки зрения определенной деревни или региона” [20, с. 257]. Несомненно, рядовые кочевники не могли понять и поддержать устремления национально-ориентированной части казахской элиты в то время.

Литература

1. Бужейханов А. Казахи о русских до 1917 года / А. Бужейханов, М. Дулатов, А. Байтурсун, Т. Рыскулов. Оксфорд: РИ ОИСА, 1985. 92 с.
2. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н.М. Ядринцев. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892. 750 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. 446 с.
4. Образование Казахской АССР: сборник документов и материалов / под ред. С.Н. Покровского. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1957. 366 с.
5. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, 1921-1925 гг.: сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962. 592 с.
6. Дахшлейгер Г.Ф. История крестьянства советского Казахстана. Т.1 / Г.Ф. Дахшлейгер, К.И. Нурпенсов. Алма-Ата: Наука, 1985. 247 с.
7. Сыдыков Е.Б. Российско-казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной системы / Е.Б. Сыдыков. Алматы: Гылым, 1998. 272 с.
8. Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), принятых за период V–VI Всеказахских конференций. Кызыл-Орда: Казгосиздат, 1927.
9. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 25. Ед.хр. 178. Л. 112.
10. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 25. Ед.хр. 92. Л. 207.
11. Ямзин И.Л. Учение о колонизации и переселениях / И.Л. Ямзин, В.П. Вошинин. М.; Л.: Госиздат, 1926. 332 с.
12. Мартин Т. Империя “положительной деятельности”. Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Ед.хр. 3. Л. 58–61.
14. Садвокасов С. О национальности и националах / С. Садвокасов // Большевик. 1928. № 1. С. 56–64.
15. Olcott M.B. The Kazakhs. Stanford, Calif: Hoover Institution Press, 1995. 388 p.
16. ГАРФ. Ф.1235. Оп. 43. Ед.хр. 61. Л. 1–2.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Ед.хр. 10. Л. 111.
18. Койгельдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х гг. / М.К. Койгельдиев. Алматы: Искандер, 2009. 448 с.
19. Кучкин А.П. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.) / А.П. Кучкин. М.: Издательство АН СССР, 1962. 432 с.
20. Масанов Н.Э. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 296 с.